

Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова.

ВРЕМЯ
Императора Петра II
и
императрицы
Анны Іоанновны.

переводъ съ французскаго

С. М.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

казанскую губернию, какъ рабочими: Волынскій держацъ указъ у себя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—и за это время успѣлъ собрать съ мусульманъ огромную сумму денегъ за обѣщаніе выхлопотать имъ освобожденіе отъ этихъ работъ.

Дѣло было раскрыто. Оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій, возстановленный въ должности оберъ-прокурора сената, ненавидѣлъ Волынскаго. У него были съ нимъ и личные счеты—Волынскій, кичившійся своимъ происхожденіемъ, не разъ издѣвался надъ Ягужинскимъ, отецъ котораго былъ школьннымъ учителемъ,—кромѣ того Ягужинскій былъ безукоризненно честенъ и не терпѣлъ взяточничества. Волынскаго вернули въ Москву, арестовали и начали надъ нимъ слѣдствіе. Онъ опять прибѣгнула къ могуществу Бирона, купилъ посѣданія крупной суммой денегъ и по совѣту его написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ каялся въ части своихъ беззаконій и «припадалъ къ стопамъ государыни, умоляя о прощеніи». Биронъ уговорилъ Аину Ioannovnu объявить ему помилованіе. Волынскій былъ выпущенъ и слѣдствіе навсегда прекращено. Ягужинскій, не стѣсняясь, сказалъ императрицѣ и повторялъ вездѣ, что Волынскій негодяй, и что правительство выиграло бы, истративъ тридцать тысячъ червоноцѣвъ, чтобы отъ него избавиться. Это былъ намекъ на сумму, данную Волынскому Бирону.

Не задолго до своей смерти Ягужинскій говорилъ: «Я не сомнѣваюсь, что при помощи интригъ и низостей Волынскій добьется поста кабинетъ-министра; но вы увидите, что черезъ два-три года его участія въ кабинетѣ его придется повысить¹⁾.

Въ 1737 году Волынскій былъ посланъ виѣтѣ со старымъ барономъ Шафировымъ и Неплюевымъ на конгрессъ въ Немировъ, гдѣ русскіе, австрійскіе и турецкіе уполномоченные должны были обсудить условія мира. Избрано было нейтральное мѣсто (Подолія принадлежала тогда Польшѣ)—замѣчательнѣйшаго польскаго магната Потоцкаго. Раньше, чѣмъ приступить къ разсказу о процессѣ Волынского,

1) Императорскій кабинетъ, члены котораго назывались кабинетъ-министрами, былъ основанъ императрицей Аиной Ioannovnou въ 1731 г. и былъ составленъ вначалѣ изъ канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана, князя Черкасскаго, къ которымъ было нѣсколько недѣль спустя присоединенъ генераль-фельдцехмейстеръ графъ Минихъ, впослѣдствіи фельдмаршаль. Головкинъ умеръ въ 1734 г. и былъ замѣненъ оберъ-шталмейстеромъ Карломъ Левенвольде. Левенвольде умеръ черезъ годъ и былъ замѣненъ Ягужинскимъ, который черезъ годъ также умеръ. Два года спустя Волынскій былъ назначенъ кабинетъ-министромъ и какъ предсказывалъ Ягужинскій продержался только въ теченіе двухъ лѣтъ.

я хочу сказать нѣсколько словъ о Неплюевѣ, въ виду роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1693 г. и принадлежалъ къ старой родовитой семье одного происхождения съ Романовыми и Шерemetевыми. Ему едва было двадцать два года (онъ былъ уже женатъ) когда умерла его мать, рожденная княжна Мышецкая. Она сумѣла растратить все состояніе мужа и оставила сыну только маленьку землю. По совѣту графа Апраксина и Григорія Чернышева, Неплюевъ рѣшилъ взяться за ученье и затѣмъ искать счастья въ службѣ. Учился онъ сначала въ Новгородской математической школѣ, затѣмъ въ Нарвѣ и поступилъ уже хорошо подготовленный въ морскую академію въ Петербургѣ. Въ качествѣ волонтера былъ посланъ въ венеціанскій флотъ, затѣмъ въ испанскій. Въ 1720 г. онъ вернулся въ Петербургъ. Петру I, умѣвшій хорошо распознавать людей, замѣтилъ въ Неплюевѣ недюжинныя дипломатическія способности и назначилъ его на одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ—уполномоченнымъ въ Константинополь. До 1735 года Неплюевъ съ большими талантами исполнялъ свои обязанности. Когда началась война, онъ былъ назначенъ тайнымъ соѣтникомъ и членомъ иностранной коллегіи. Иностранными дѣлами вѣдалъ тогда Остерманъ. Неплюевъ сталъ его правой рукой. Около этого времени онъ женился вторично на Паниной—невѣстѣ князя Куракина, любимица и добровольного шута Бирона. Когда былъ назначенъ конгрессъ въ Немировѣ, Минихъ, врагъ Остремана, просилъ послать туда уполномоченнымъ барона Шафирова. Биронъ, не довѣрявши Миниху, присоединилъ къ миссіи Волынского, бывшаго тогда еще вѣрнымъ слугой фаворита. Остреманъ, зная, что Шафировъ его заклятый врагъ и подозрѣвавший Волынского во враждебномъ къ себѣ отношеніи, присоединилъ къ немъ своего друга и подчиненнаго, Неплюева. Немировскій конгрессъ былъ неудаченъ, благодаря интригамъ и давленію на Порту французского посла въ Константинополѣ маркиза де-Вильльнева. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Неплюевъ былъ губернаторомъ въ Киевѣ и затѣмъ вернулся въ Петербургъ, где былъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Волынского. Въ награду за это Остреманъ, уже въ правленіе Анны Леопольдовны, выхлопоталъ Неплюеву зенту Александра Невскаго и великолѣпныя помѣстья въ Малороссіи, приносившія болѣе тридцати тысячъ дохода.

Въ то же время въ декабрѣ 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Малороссіи. Годъ спустя, обстоятельства круто измѣнились. «Брауншвейгское семейство» и Остреманъ были посажены

въ казематы. Главный командиръ Малороссіи былъ отрѣшенъ отъ должности, арестованъ, лишенъ орденовъ, жалованій ему земель и отвезенъ въ кандалахъ въ Петербургъ, где былъ заключенъ въ крѣпости. Но Неплюевъ былъ такъ хитеръ и остороженъ, что въ предшествовавшія царствованія ни разу не позволилъ себѣ ничего, что бы могло навлечь на него немилость цесаревны Елизаветы Петровны. Послѣ нѣсколькоихъ недѣль заключенія, онъ былъ освобожденъ и призванъ во дворецъ. Императрица пожаловала ему опять собственноручно Александра Невскаго. Неплюевъ, который умелъ такъ же, какъ и покровитель его Остерманъ, плакать по желанію, бросился на колѣни и рыдалъ отъ «счастія видѣть на престолѣ дочь своего благодѣтеля, на престолѣ, принадлежавшемъ ей по праву», прибавилъ онъ, забывая въ эту счастливую минуту свое низкопоклонничество во время двухъ предшествовавшихъ царствованій. Но слезы эти были пролиты напрасно. Малороссійскія земли не были ему возвращены и вместо назначенія сенаторомъ, котораго онъ добивался, Неплюевъ былъ назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ: это была ссылка въ вѣзданной формѣ. Только въ 1760 г., послѣ долгихъ происковъ и стараний, Неплюевъ былъ назначенъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Екатерина II оказывала ему большое довѣріе. Уѣзжая въ Москву на коронацію, она довѣрила ему управление столицей и поручила ему столичныхъ войска—что было дѣломъ большой ответственности, въ виду шаткаго положенія Екатерины въ первые годы ея царствованія. Два года спустя, Неплюевъ ослѣпъ и долженъ былъ оставить службу. При отставкѣ онъ былъ пожалованъ огромными помѣстьями въ Малороссіи и двадцатью тысячами рублей для уплаты долговъ. Онъ умеръ восьмидесяти лѣтнимъ старикомъ въ 1773 году.

ГЛАВА VIII.

Процессъ и казнь Волынского.

По окончаніи конгресса въ Немировѣ, уполномоченные вернулись въ Петербургъ и Волынскій былъ назначенъ кабинетъ-министромъ къ большому неудовольствію Остермана. Вице-канцлеръ, съ обычнымъ своимъ почтительно-преданнымъ видомъ, съ лицомъ, подернутымъ легкой грустью—позволилъ себѣ высказать герцогу свое неодобрение.

Герцогъ, считавшій новаго ministra человѣкомъ ему всепрѣданнымъ, отвѣтилъ Остерману: «Любезный графъ, Волынскій обязанъ мнѣ тѣмъ, что не былъ повѣшено, когда дворъ еще находился въ Москвѣ. Я отлично знаю все, что о немъ можно сказать. Я знаю его недостатки и его пороки. Но что же дѣлать? Всѣ русскіе таковы. Попробуйте найти изъ нихъ человѣка честнаго и вѣстѣ съ тѣмъ такого же способнаго, какъ Волынскій. Выбора нѣть. Надо брать тѣхъ, кто есть».

Такъ говорилъ и искренно думалъ человѣкъ, не знавшій самъ твердо, что такое честь, всю жизнь не считавшійся съ совѣстью, и всѣмъ обязанный Россіи.

Чѣмъ выше Волынскій подымался въ чинахъ, чѣмъ больше имѣлъ влиянія на дѣла, тѣмъ опаснѣе становилось его положеніе. Изъ трехъ

товарищей его кабинет-министровъ, одинъ—фельдмаршаль Минихъ, находился въ дѣйствующей арміи; другой, князь Алексѣй Михайлович Черкасскій ¹⁾, человѣкъ недалекій и робкій, почти трусливый, былъ совершенно ничтоженъ и въ сущности ничтожеству своему и былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ въ чинахъ. Третій, самый подвижный и дѣятельный изъ кабинет-министровъ, несмотря на свою манеру никогда ничего не знать и на частые приступы подагры, былъ Остерманъ. Отъ него Волынскому трудно было ожидать поддержки. За три года, протекшіе со смерти Карла Левенвольде, при постоянномъ отсутствіи Миниха, ничтожествъ Черкасскаго и болѣзнистомъ состояніи Ягужинскаго, пробывшаго кабинет-министромъ около года—Остерману удалось стать полнымъ хозяиномъ въ дѣлахъ кабинета ²⁾. Ему приходилось считаться только съ Бирономъ, съ которымъ вице-канцлеръ отлично умѣть ладить. Въ лицѣ Волынского Остерманъ не могъ не видѣть честолюбиваго и лично его ненавидѣвшаго соперника, стремившагося достигнуть власти при помощи игры на широко охватившемъ тогда русскіе слои общества, национальномъ чувствѣ, оскорблennомъ нѣмцами. Борьба начадась тотчасъ и, очевидно, была не равна. Живой, несдержанній и неосторожный Волынскій, не знавшій чувства иѣры, не могъ бороться съ вице-канцлеромъ, всегда спокойнымъ, осторожнымъ, взвѣшивавшимъ каждое слово и никогда не выходившимъ изъ себя. Остерманъ отлично умѣть въ спорѣ, оставаясь безукоризненно любезнымъ, довести Волынского до бѣшенства и заставить его наговорить и сдѣлать много лишняго. Волынскій, во что бы то ни стало стремившійся пріобрѣсти вліяніе на дѣла, то прислуживался къ русскимъ, разыгрывая врага нѣмцевъ, то впадалъ въ надменность и рѣзкость, ему свойственную. Онъ выказывалъ много симпатій принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, надѣясь въ ея царствованіе, или ея правленіе захватить власть въ свои руки. Остерманъ, спокойно и не колеблясь, старался вліять на Бирона и при посредствѣ послѣдняго вліять на императрицу, которая по прежнему была во власти своего фаворита.

¹⁾ По отзыву историка Щербатова «человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блестѣлъ, повсюду являлъ осторожность».

²⁾ Средоточіемъ тогдашняго высшаго государственнаго управления былъ кабинет министровъ, учрежденный въ 1731 году, по мысли и плану Остермана «для лучшаго и порядочнѣшаго от правленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію императрицы». Но кабинетъ, семь лѣтъ спустя, не оправдалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя возлагались на него при учрежденіи; онъ не достигъ ни «государственной пользы», ни «пользы вѣрноподданныхъ», какъ называлась императрица въ 1731 году.

Анна Иоанновна благоволила къ Волынскому, она цѣнила его способности и говорила, что лучшаго докладчика не сыскать¹⁾.

Когда Волынского назначили кабинетъ-министромъ, съ нимъ произошелъ случай очень хорошо его характеризующій. Секретарь кабинета Яковлевъ поднесъ Волынскому къ подписи формулу обычной присяги, въ которой говорилось, что нарушение ея влечеть за собой казнь.

Волынский пришелъ въ ярость и воскликнулъ: «Какъ? Государыня жалуетъ меня званіемъ кабинетъ-министра, а ты — топоромъ!» Онъ сталъ преслѣдоватъ Яковлева и успокоился только, когда добился его ссылки въ Выборгъ.

Между претендентами на постъ кабинетъ-министра былъ адмиралъ графъ Головинъ, бывшій старше Волынского чинами. Головинъ неодобрительно отозвался о Волынскомъ. Волынский донесъ императрицѣ о взяточничествѣ Головина въ адмиралтействѣ-коллегіи, которой тотъ былъ президентомъ, и получилъ распоряженіе государыни назначить немедленное слѣдствіе; злоупотребленія Головина были раскрыты, но онъ не потерялся, подкупилъ Бирона крупной суммой и сохранилъ свой постъ. Слѣдствіе было вѣдѣно прекратить, но Головинъ сталъ смертельный врагомъ Волынского.

Ненависть между Волынскимъ и Остерманомъ разгоралась все больше. Волынский говорилъ друзьямъ: «Что мнѣ дѣлать? Товарищи мои никуда не годятся: одинъ молчитъ всегда (Черкасскій); другой только и дѣлаетъ, что обманываетъ».

Получивъ отъ государыни приказаніе составить записку о необходимыхъ реформахъ, онъ возился надъ составленіемъ обширнаго проекта²⁾. Часто онъ собиралъ у себя по вечерамъ друзей и читалъ имъ отрывки своей работы. Разговаривали непринужденно, касаясь текущихъ событій. Въ составляемой имъ работе Волынский громилъ взяточничество (у людей бываетъ коротка память) и злоупотребленія властью. Собирались обыкновенно попозже, часовъ въ восемь, ужинали и засиживались за чтеніемъ и разговорами до одиннадцати. Эти пріятельскія собранія были впослѣдствіи названы «ночными сборищами заговорщиковъ». Волынский часто позволялъ себѣ излишня

1) Онъ (Волынский) все больше и больше дѣла забиралъ себѣ въ кабинетъ, — наконецъ явился единственнымъ докладчикомъ у императрицы по кабинетнымъ дѣламъ. Императрица была очень имъ довольна, а въ петербургскомъ обществѣ онъ самъ «лучшимъ въ кабинетъ монаршемъ дѣльцомъ». Проф. Д. Корсановъ. «Арт. Петр. Волынский». Стр. 223.

2) «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ».

откровенности. Однажды, когда речь зашла о комментариях Юста Липсія о Тацитѣ и характерѣ Мессалины—онъ замѣтилъ, что «не время де теперь разсуждать объ этой книжѣ», и въ другой разъ, говоря о различіи положенія русскаго шляхетства и шляхетства польскаго, онъ сказалъ: «Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не смѣеть и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся».

Нужно было, все же, много злобной жестокости,—и подозрительности, чтобы признать эти разговоры «конспираціей». Другое, болѣе тяжелое обвиненіе, возводимое на него (фактъ остался недоказаннымъ), было обвиненіе въ авторствѣ подметнаго письма, полученнаго новымъ кабинетомъ-секретаремъ и содержащее тяжелыя обвиненія противъ Остериана. Было объявлено щедре вознагражденіе тому, кто признается, что написалъ это письмо. Само собой разумѣется, авторъ не отозвался. Впослѣдствіи во время процесса, въ составленіи письма были обвинены Волынскій и Эйхлеръ.

Лѣтомъ 1739 года трое служащихъ въ придворномъ конюшенномъ вѣдомствѣ, нѣкто Людвигъ и двое Кишель, отецъ и сынъ, отставленные Волынскимъ, написали доносъ на имя государыни, на оберъ-егермейстера, обвиняя его въ злоупотребленіяхъ. Императрица потребовала у Волынскаго объясненій. Оберъ-егермейстеръ въ длинномъ оправдательномъ письмѣ изложилъ императрицѣ свое горестное положеніе, положеніе человѣка, услугъ котораго не цѣнять, говорилъ о своихъ денежныхъ нуждахъ, о всеобщей къ нему ненависти и распространялся о томъ, что бессовѣтны льстцы и люди ни на что негодные пользуются довѣріемъ. Въ припискѣ къ этому письму онъ развелъ длинная разсужденія о коварствѣ придворныхъ льстцовъ и клеветниковъ, не рѣшающихъся обвинять открыто и предпочитающихъ втихомолку нашептывать, говорящихъ намеками и умѣюшихъ придавать своему лицу любое выраженіе, стремящихся навлечь немилость государыни на вѣрныхъ ея подданныхъ.

Пославъ императрицѣ это злочастное письмо, рѣшившее его участъ, Волынскій ознакомилъ съ нимъ и постороннихъ лица: Черкасскаго, который замѣтилъ: «Остро очень писано: если попадется то письмо въ руки Остремановы, то онъ тотчасъ узнаетъ, что про него писано». Волынскій вѣльзъ перевести письмо на нѣмецкій языкъ (переводилъ академикъ Аладуровъ) и представилъ переводъ Бирону; посаѣдняго такое письмо могло, разумѣется, только раздражить. Сообщено письмо было также Шенбергу, Лестоку и др. Всѣ говорили: «Это письмо самый портретъ графа Остремана».

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякихъ событій; положеніе оберъ-егермейстера, повидимому, оставалось прочнымъ. Онъ принималъ горячее участіе въ дѣлѣ Долгоруковыхъ, не подозрѣвая, что черезъ восемь мѣсяцевъ и самъ пойдетъ на плаху.

Остерманъ, Куракинъ¹⁾, Головинъ усиленно работали издѣлъ тѣмъ, чтобы окончательно возстановить Бирона противъ Волынскаго. Къ нимъ присоединился и всемогущій начальникъ тайной канцелярии Ушаковъ, оскорбленный надменностью нового кабинетъ-министра. Остерманъ, сильно интриговавшій противъ плана женитьбы Петра Бирона на Анна Леопольдовна, теперь сваливалъ все на Волынского и утверждалъ, что это онъ устроилъ бракъ принцессы съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ; говорилъ, что Волынскій втирается въ милость принцессы и при посредствѣ ея камерфрау Варвары Дмитріевой даетъ ей совѣты и возстановливаетъ ее противъ герцога и его семьи. Узналось также о письмѣ Волынского къ Григорію Урусову, въ которомъ онъ писалъ, что время настало ужасное, при дворѣ жить становится все опаснѣе: Биронъ дѣлается все раздражительнѣе и что угодить ему нѣть возможности, такъ старай подозрителенъ и во всемъ поступаетъ по совѣту Остерманову.

Во время турецкой войны русскія войска проходили много разъ черезъ области Рѣчи Посполитой, и Польша предъявила требование о вознагражденіи полякамъ, потерпѣвшимъ во время прохода русскихъ войскъ. Кабинетъ признавалъ въ принципѣ необходимость вознагражденія, но не соглашался на слишкомъ крупную сумму, назначенную Польшею. Биронъ, какъ герцогъ куляндскій, вассалъ Польши, имѣлъ сильныя побужденія заискивать расположение Августа III и магнатовъ, особенно въ виду пошатнувшагося здоровья императрицы, и потому желалъ дать полякамъ полное удовлетвореніе.

Волынскій настаивалъ на противномъ, Остерманъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, подлилъ масла въ огонь, сказавъ нѣсколько задѣвающихъ словъ своимъ ровнѣмъ, сладкимъ голосомъ и съ самимъ заскокомъ и любезнѣмъ выражениемъ лица.

Вспыльчивый Волынскій вышелъ изъ себя и заявилъ, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польши, ни вассаломъ ся, не имѣть побужденій угождать изстари враждебному Россіи народу.

¹⁾ Куракинъ, игравшій роль добровольца шута при Биронѣ, умѣлъ превосходно подражать манерамъ Волынского и говорилъ, что ему достаточно взглянуть на выраженіе лица оберъ-егермейстера, чтобы знать, что тотъ собирается дѣлать: лгать, негодовать и выходить изъ себя или планировать какое-нибудь обычное ему мопшничество.

Эти роковые слова, задевавшие самое больное место Бирона, были каплей, переполнившей чашу.

Оскорбленный Биронъ, не желая показывать своего оскорблениія, воспользовался другимъ поступкомъ Волынскаго, который былъ настолько обыченъ въ ту пору, что о немъ въ теченіе шести недѣль не поднималось вопроса.

Во время «курьезной» свадьбы несчастнаго Голицына въ февралѣ 1740 г. Волынский выхлопоталъ себѣ предсѣдательство въ «машкарадной комиссіи», желая этимъ угодить императрицѣ. Понадобились подобающія случаю вирши. Волынский послалъ за придворнымъ піитомъ Тредьяковскому и велѣть привести его на такъ называемый «слоновій дворъ» (помѣщеніе для слона, подареннаго императрицѣ персидскимъ шахомъ), где онъ сосредоточилъ всѣ хлопоты и приготовленія къ «потешной» свадьбѣ.

Надобно замѣтить, что онъ не терпѣлъ Тредьяковскаго за то, что тотъ пользовался милостью Куракина и Головина ¹⁾.

Посланный за піитомъ кадетъ Криницынъ поссорился съ нимъ дорогой и, вернувшись, поклонился Волынскому. Тотъ приказалъ Криницыну надавать Тредьяковскому пощечинъ, вручилъ несчастному піиту тему для виршей и приказалъ, чтобы черезъ день, ко дню торжества 6-го февраля, онъ былъ готовы ²⁾.

Тредьяковскій на другой день отправился съ юалобой къ Бирону; въ своей честолюбивой онъ писалъ, что «принадлежитъ къ стопамъ его высокогерцогской свѣтлости». Пришастъ къ стопамъ ему не удалось, такъ какъ въ пріемной его увидѣлъ Волынский, подошелъ къ нему и спросилъ: «Ты чего здѣсь?» Испуганный піитъ не могъ вымолвить слова. Оберъ-егермейстеръ, не стѣсняясь присутствующими, далъ ему пощечину и, схвативъ за воротъ, вытолкнулъ изъ пріемной. Затѣмъ онъ далъ распоряженіе арестовать его и увезти. Въ тотъ же день, въ присутствіи Волынского, Тредьяковскаго раздѣли, разложили и дали ему семьдесятъ палочныхъ ударовъ. Кончивъ наказаніе, Волынский спросилъ: «Что ты дѣлали въ пріемной у герцога?» Тредьяковскій не могъ говорить. Его опять положили и дали еще тридцать

¹⁾ Такъ отмстилъ Волынский въ лицѣ Тредьяковскаго своимъ врагамъ. Онъ былъ піиту, какъ «конфидента» Куракина изъ мести, со злобы, оскорблений пасквильными на него стихами. Волынский истязъ за обиду, поступая звѣрскимъ образомъ по нашимъ понятіямъ, и совершенно естественно во понятіяхъ дикаго русского общества первой половины XVIII в. Д. Корсаковъ. Ibid, стр. 231.

²⁾ Тредьяковскій, прия домой со слоновіого двора, въ тотъ же самый вечеръ «уже не въ состояніи ума, исполнилъ оныя вирши». Ibid, стр. 230.

палокъ. Затѣмъ его заперли и приказали учить стихотвореніе, которое онъ долженъ былъ читать на праздникѣ. На саѣлующій день, въ среду, 6-го февраля послѣ полудня Тредьяковскій въ маскѣ и костюмированной, подъ конвоемъ двухъ солдатъ былъ отправленъ въ Бироновскій манежъ, гдѣ давался пиръ. Послѣ того, какъ пить дрожащимъ голосомъ сказалъ комическіе стихи, такъ мало подходившіе къ его настроению, его опять увезли и посадили подъ арестъ. Въ четвергъ въ десять часовъ утра Волынскій велѣлъ его привести къ себѣ и сказалъ, что раньше, чѣмъ дастъ ему свободу, долженъ дать ему еще нѣсколько палокъ. Тредьяковскій, въ слезахъ на колѣняхъ, просилъ его помиловать. Волынскій остался глухъ, несчастному дали еще десять ударовъ и наконецъ отпустили. Тредьяковскій подалъ жалобу въ академію наукъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ. Лекарь академіи засвидѣтельствовалъ, что у пінты вся спина въ ссадинахъ и синякахъ. Дѣло было такое обыденное при правахъ того времени, что на него никто не обратилъ серьезнаго вниманія. Волынскій смѣялся и говорилъ объ академикахъ, Куракинѣ и Головинѣ, покровительствовавшихъ Тредьяковскому: «Пусть на меня сердятся, а я натѣшился, и свое взялъ».

Волынскій не чувствовалъ надвигавшейся на него грозы. Овдовѣвъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ теперь добивался руки двадцатилѣтней графини Маріи Ивановны Головкиной (ему было уже пятьдесятъ одинъ годъ), внучки по отцу канцлера Головкина, а по матери извѣстнаго князя Матвѣя Гагарина. У нея были сильныя связи при дворѣ и Волынскій очень надѣялся этимъ бракомъ упрочить свое положеніе. Ему не было отказано, но его просили подождать и дать возможность обдумать вопросъ.

Тотчасъ послѣ засѣданія кабинетъ-министровъ, въ которомъ Волынскій сказалъ, что «онъ не вассаль Польши», Биронъ объявилъ императрицѣ, что ей придется выбрать: «Или я, или онъ» сказалъ герцогъ. На другой день онъ представилъ императрицѣ записку, гдѣ выставлялъ на видъ, что его вмѣшательство въ русскія дѣла было всегда чуждо пристрастныхъ и личныхъ цѣлей; что онъ имѣшивался, въ дѣла единственно для того, чтобы охранять интересы императрицы, ея спокойствіе и здравіе. Что онъ никогда никому не выказывалъ своего неудовольствія и никогда ни на кого не приносилъ жалобы, что онъ сумѣлъ заслужить всеобщую любовь и носить въ сердцѣ и совѣсти увѣренность, что никому не даѣтъ законнаго повода статься къ нему во враждебное отношеніе. Даѣте онъ говорилъ о письмѣ Волынского и о совѣтахъ, данныхыхъ въ этомъ письмѣ: «Такія наставленія».

писалъ онъ, «годы только для малолѣтнихъ государей, а не для та-
кой великой, умной и мудрой императрицы, которой великия каче-
ства и добродѣтели весь свѣтъ съ крайнейшимъ удивленіемъ пре-
возносить». Затѣмъ онъ жаловался на избеніе Тредьяковскаго въ
его, владѣтельнаго герцога курляндскаго, покояхъ, объ оскорблениі,
нанесенномъ имъ этимъ поступкомъ Волынскаго, и напоминалъ импе-
ратрицѣ, что честь герцогской короны подобаетъ охранять особенно
и потому, что покойный супругъ Е. И. В. носилъ ее. Онъ приба-
влялъ, что если Волынскій другихъ старается привести въ подозрѣніе
передъ императрицей, то справедливость требуетъ, чтобы собственныя
его дѣянія были разсмотрѣны и изслѣдованы¹⁾.

Въ то же время Остерманъ, которому императрица передала письмо
Волынскаго съ распоряженіемъ представить на него замѣчанія, напи-
салъ государынѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что ненависть къ
нему оберъ-егермейстера ему непонятна; что если они расходились
часто во мнѣніяхъ, то это потому, что каждому человѣку дано за-
блуждаться въ своихъ сужденіяхъ; что онъ, вице-канцлеръ, не пи-
таетъ ни къ кому ненависти и неспособенъ къ вѣроломству; но разъ
оберъ-егермейстеръ заявляетъ, что ему известны лица, способныя
на описанное имъ низкое поведеніе, то слѣдовало бы не указывать
на нихъ намеками, а назвать имена и привести доказательства
своимъ обвиненіямъ²⁾.

1) Только 19 апрѣля императрица слушала эту членитную Бирона, ту самую
которую всѣ биографы Волынскаго считаютъ причиной гибели Артемія Петровича.

2) «Ваше Императорское Величество,—писалъ Остерманъ въ заключеніе своего
письма,—изволите всемилостивѣши сами разсудить, что какъ Богъ мій, такъ и
ему (Волынскому), все знать не даль, что онъ равно такой же человѣкъ, какъ и
я, и что потому невозможно, чтобы во мнѣніяхъ своихъ всегда могли согласны
быть; а ежели въ такомъ случаѣ мое мнѣніе такимъ образомъ толковано быть
имѣть, какъ въ томъ письмѣ его показано, то подлинно какъ самое то-жъ письмо
гласитъ, куражъ и охота отнять быть могутъ. Я, яко человѣкъ, во мнѣніяхъ сво-
ихъ отъ недознанія ошибаться могу, но чтобы я по какимъ страстямъ, по какой
злобѣ, по ненависти или по какой мерзкой корысти въ интересахъ вашего имп.
величества черезъ тридцать восемьлѣтнюю мою, малую однакожъ ревностную службу
погрѣшилъ, въ томъ созѣсть меня не обличаєтъ, и Богъ изъ Страшнагоъ своемъ
Суда отзыту въ томъ изъ мій взыскывать не будетъ; и ежели я; черезъ все то время
къ какимъ, хотя малымъ или великимъ звѣткамъ коснулся, то я въ томъ долженъ
передъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ датъ. Отъ сердца моего желаю, чтобы и пода-
тель сего письма въ таковыхъ же непорочныхъ обстоятельствахъ находился. Въ
нынѣшней моей старости, бѣдности и болѣзниеніи состояніи здоровыя моего, и
потому натурально по человѣчеству при приближающемся концѣ жизни моей
единое мое только желаніе есть, чтобы я могъ у вашего имп. величества не въ

Анна Иоанновна долго колебалась. Утромъ въ пятницу, 4 апрѣля 1740 года, Биронъ на колѣняхъ умолялъ ее рѣшиться. Она плакала и не соглашалась. Тогда онъ повторилъ ей: «Или я, или онъ» всталъ и объявилъ, что уѣдетъ немедленно въ Курляндію. Анна Иоанновна рѣшилась. Въ тотъ же день Ушаковъ объявилъ оберъ-егермейстеру запрещеніе являться ко двору.

Волынскій, высокомѣрный и заносчивый во дни своего успѣха, растерялся совершенно; бросился къ Бирону, но не былъ принятъ; бросился къ Миниху, ненависть которого къ Остерману была ему известна; тамъ его тоже не приняли¹⁾). Пасхальная недѣля прошла для оберъ-егермейстера въ мрачномъ и тяжеломъ ожиданіи. Немногіе друзья, которые еще не отвернулись, сами были въ большомъ страхѣ. Волынскій говорилъ одному изъ своихъ «конфидентовъ» Жану де-ла-Суда: «Богъ караетъ меня за старые грѣхи».

Многочисленные враги Волынского волновались и дѣлали все, чтобы его погубить. Куракинъ, пользуясь шуты, привилегіей говорить то, что не разрѣшалось говорить другимъ, сталъ восхвалять дѣянія государыни и говорить, что она достойная наследница Петра Великаго, такъ какъ она приводитъ въ исполненія его предначертанія. Только одно ею забыто. «Что же такое?»—спросила императрица. «Перть I», отвѣчалъ Куракинъ,—«нашелъ Волынского на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку, такъ какъ Волынскій не исправился, то если ваше величество не затянете узель, намѣреніе императора не исполнится». Присутствовавшіе хотели, Биронъ особенно; Анна Иоанновна заразилась ихъ веселостью и смигнула тоже... Участь Волынского была решена...

Императрицу уведомили, что въ 1737 году дворецкій оберъ-егермейстера Василій Кубанецъ получилъ изъ придворной конюшенній конторы пятьсотъ рублей. Секретары конторы Муромцевъ на допросѣ заявили, что выдалъ эти деньги по распоряженію оберъ-егермейстера. Въ тотъ же день, въ субботу на Пасхальной недѣлѣ, 12 апрѣля генералъ Ушаковъ пріѣхалъ къ Волынскому въ сопровожденіи подпоручика гвардіи Коковинскаго и взвода солдатъ. Волынскому былъ

подозрѣніи быть и въ вѣрныхъ и безпорочныхъ рабахъ умереть и въ томъ передъ Богомъ яко иелинѣрными судію стать.

1) Л. Корсаковъ сообщаетъ слѣдующее: «Волынскій немедленноѣдетъ къ Бирону, но его не принимаютъ. Съ горя онъ спѣшитъ даже къ давнему своему врагу—Миниху. Фельдмаршаль удивленъ его посѣщеніемъ, но обѣщается замолвить за него словечко, а Остерманъ съ Кѣ нашептываетъ Бирону: «Волынскій сталъ искать въ Минихѣ противъ вашей свѣтлости!»

объявленъ строжайшій арестъ. Сынъ его, двѣ дочери и племянница были также арестованы и заключены въ своихъ комнатахъ. Окна были заколочены. Волынскій былъ запертъ въ своею кабинетѣ, у дверей которого былъ поставленъ карауль. Ни подъ какимъ предлогомъ ему не разрѣшалось выйти изъ комнаты. Онъ просилъ допускать ежедневно священника, доктора и тѣхъ бѣдныхъ, которые обращались за его помощью. Допустили лишь доктора, португальца Санчесъ, и то только въ присутствіи Коковинскаго.

На слѣдующій день назначена была слѣдственная комиссія изъ девяти членовъ; ни одинъ изъ нихъ не вошелъ въ нее: дѣлу хотѣли придать видъ полнаго беспристрастія и справедливости. Назначены были: генералъ-поручики Никита Трубецкой, Михаилъ Хрущевъ и князь Василій Репнинъ; генералъ-аншефы: Ушаковъ, Чернышевъ, Румянцевъ; тайные совѣтники: Неплюевъ и Новосильцевъ и генералъ-майоръ Шипонъ. За исключеніемъ Репнина, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, всѣ они были прислуживавшіеся къ Бирону придворные, готовые на всѣ жестокости и низости.

Слѣдственная комиссія начала свои засѣданія во вторникъ, 15 апрѣля, и въ тотъ же день веаѣла арестовать секретаря Волынскаго, оберъ-егермейстера, Василія Гладкова, его адъютанта Ивана Родіонова и дворецкаго Василія Кубаница; на слѣдующій день по ея распоряженію были арестованы «конфиденты» Артемія Петровича Еропкинъ, Хрущовъ и 20 апрѣля ассесоръ придворной конторы Смирновъ. Былъ посланъ также приказъ въ Нижній - Новгородъ арестовать вице-губернатора Ивана Волынскаго, двоюроднаго брата Артемія, и привезти его въ Петербургъ.

Комиссія засѣдала съ семи часовъ утра до двухъ, съ полуночью перерывомъ, во время котораго члены комиссіи завтракали. Подсудимому умышленно не давали есть всѣ семь часовъ, чтобы ослабить его силы. Засѣданія происходили въ Итальянскомъ дворцѣ, построенному Петромъ I на Фонтанкѣ (нынѣ Екатерининскій институтъ; назывался дворецъ итальянскимъ, т. к. былъ построенъ въ итальянскомъ стилѣ и также отдаленъ внутри).

Волынскій падъ духомъ совершенно; онъ такъ боялся, что готовъ былъ ежеминутно падать изъ колѣни передъ членами комиссіи. Со всѣхъ сторонъ обнаруживались доказательства взяточничества подсудимаго; этотъ родъ преступлений былъ такъ распространенъ, что не могъ служить причиной для обвиненія. Биронъ хотѣлъ добыть доказательства (а если бы не удалось, то выдумать ихъ) тяжелѣйшему изъ преступлений — оскорблению величества. Съ этой цѣлью присту-

или къ допросу Кубанца. Это былъ Кубанскій татаринъ, захваченый въ путь въ раннемъ дѣтствѣ, привезенный въ Астрахань и тамъ крещенный, онъ попалъ въ услуженіе къ мѣстному купцу Клементьеву и отъ него поступилъ писцомъ въ канцелярію губернатора.

Волынскій въ бытность свою губернаторомъ замѣтилъ умнаго и хвастливаго Кубанца. Онъ взялъ его къ себѣ, назначилъ дворецкимъ и сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ и правой рукой во всѣхъ своихъ темныхъ дѣлахъ.

Черезъ его посредство онъ получалъ деньги и подарки. Отъ Кубанца у него не было тайнъ—онъ при немъ думалъ вслухъ. Допросъ былъ хорошо разсчитанъ: если Кубанецъ проласть своего господина—тотъ погибъ: врагамъ его будетъ все известно.

Волынскій сознался на допросѣ, что въ письмахъ къ государынямъ намекалъ на обѣръ-шталмейстера Куракина, адмирала Головина и особенно на графа Остермана; о послѣднемъ онъ сказалъ при всемъ собраніи: «Остерманъ никому безъ закрытія ничего не объявить и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ». Неплюевъ остановилъ его, сказавъ: «О такихъ дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается женѣ и вѣдѣть непристойно, и самъ о томъ можешь разсудить». Волынскій призналъ себя виноватымъ въ своемъ жестокомъ обращеніи съ Тредьяковскимъ и добавилъ, что уповаешь на милость государыни и герцога курляндскаго.

Обвиняли также обѣръ-егермейстера въ желаніи повредить Бирону во мнѣніи императрицы при посредствѣ княгини Щербатовой. Эта княгиня Щербатова, урожденная Прозоровская, старшая сестра фельдмаршала, была женой князя Федора Андреевича, брата дипломата Щербатова. Допущенная въ интимный кружокъ императрицы за свои шутовскія способности и подражательный талантъ, Щербатова постоянно ссыпалась Анну Иоанновну и была у нея въ милости. Узнавъ объ арестѣ Волынского, она потеряла голову отъ страха, бросилась къ Бирону и, обнимая его колѣни, молила ее помиловать. Она была спасена ходатайствомъ Остермана, своего отдаленаго свояка.

Послѣ разоблаченій Кубанца дѣло обѣръ-егермейстера приняло худой оборотъ. Кубанецъ называлъ всѣхъ лицъ, бывавшихъ по вечерамъ у Волынского и слушавшихъ чтеніе его «генерального разсужденія». Рассказалъ о чтеніи комментарій Юста Липсія о Тацитѣ, книгѣ, получившей такое большое значеніе въ этомъ процессѣ. Находясь между обѣщаніями наградъ и угрозами пытокъ, Кубанецъ головой выдававъ своего господина, рассказывая о всѣхъ его замѣчаніяхъ и обмолвкахъ, о томъ, какъ тотъ радовался, что Бирону не удалось же-

нить его сына на племянницѣ императрицы, о томъ, что онъ говорилъ о невозможности говорить громко о Мессалинѣ безъ того, чтобы не быть заподозрѣнныемъ въ намекахъ на императрицу.

Ночью съ 24-го на 25-е апрѣля Волынскаго и другихъ обвиненныхъ перевезли въ адмиралтейскую тюрьму подъ конвоемъ цѣлаго отряда (въ 24 человѣка) преображенцевъ. Слѣдственная комиссія была распущена и дѣло передано въ руки Ушакова, личного врага Волынскаго, и Неплюева, преданного и всѣмъ обязаннаго Остерману. Два дня спустя всѣ похудимые были перевезены въ Петропавловскую крѣпость. 30-го апрѣля туда былъ привезенъ и Соймоновъ. Въ то же время Андрей Яковлевъ былъ возвращенъ изъ Выборга, возстановленъ въ своей должности кабинет-секретаря и ему поручено разсмотрѣть бумаги и письма Волынскаго, взятые при арестѣ.

Каждый день возникали новые обвиненія, одни недѣлѣ пѣве другихъ; обвиняли оберъ-егермейстера въ оскорблениі величества, потому что онъ назвалъ Иоанна Грознаго тираномъ; обвиняли его въ стремлѣніи захватить россійскій престолъ, основываясь на томъ, что на генеалогическомъ деревѣ, найденномъ у него, были нарисованы въ княжескихъ коронахъ его предокъ Дмитрій Михайловичъ Волынскій съ женой, княгиней Анной, сестрой Дмитрія Донскаго. 22-го мая Волынскаго начали пытать; въ тотъ же день въ крѣпость былъ посанженъ Эйхлеръ, и де-ла-Суда—пять дней спустя. Пытки ежедневно. Пытки были ужасны: съ первого дня Волынскій потерялъ способность владѣть правой рукой и не могъ подписывать показанія и признанія, которыя давалъ подъ пыткой. 30 мая Ушаковъ и Неплюевъ отправились къ Платону Мусину-Пушкину, который былъ нездоровъ. Было приказано его допросить. Графъ Платонъ Ивановичъ объявилъ, что Мусинъ-Пушкины не «доводчики». Слова его были переданы Бирону и на слѣдующій день его заточили въ крѣпость, жена его и дѣти были арестованы дома.

Кубанецъ, наученный врагами Волынскаго, далъ новое показаніе: его господинъ будто бы часто спрашивался въ календарь о возрастѣ молодого Голштинскаго принца. Быть отданъ приказъ удвоить пытки.

19-го июня былъ назначенъ судъ изъ всѣхъ сенаторовъ и пятнадцати лицъ, выбранныхъ лично государыней (т.-е. Бирономъ и Остерманомъ). Девять сенаторовъ засѣдали въ этомъ кровавомъ судѣ: Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, Нарышкинъ, Хрущевъ, Бахметевъ, Румянцевъ, Философовъ и Шиповъ.

Пятнадцать лицъ, назначенные императрицей были: фельдмаршалъ Трубецкой, князь Алексѣй Черкасскій (по своей первой женѣ онъ

быть зять Волынского, а графиня Мусинъ-Пушкина была ему родная племянница), генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой, тайные советники: Федоръ Наумовъ и Иванъ Неплюевъ, генералъ-поручикъ Степанъ Игнатьевъ, генералъ-майоръ Петръ Измайлова, контроль-адмиралъ Захаръ Мишуковъ; оберъ-штерь кригсъ-комиссаръ Микулинъ; майоры отъ гвардіи: Стрѣшневъ, зять Остремана, Петръ Черкасскій, недавній другъ Волынского и Дмитрій Ченцовъ; вице-президентъ юстицъ-коллегіи князь Иванъ Трубецкой; Петръ Квашнинъ-Самаринъ, советникъ юстицъ-коллегіи и бригадиръ Иванъ Унковскій, полиціймейстеръ Петербурга.

Биронъ, Остреманъ и вся нѣмецкая партія распространяли слухъ обѣ обширномъ заговорѣ, душой котораго былъ будто бы Волынский. Въ Петербургѣ царили общіе страхъ и ужасъ; при встрѣчахъ, даже въ гостиныхъ, никто не смѣѣтъ заинтригнуться о судебномъ дѣлѣ, бывшемъ у всѣхъ на умѣ.

Въ пятницу 20-го іюня состоялось единственное засѣданіе суда. Секретаремъ суда былъ родственникъ одного изъ обвиненныхъ Хрущовъ, ассесоръ тайной канцеляріи. Генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой произнесъ ужасный приговоръ: дѣла-Суда обезглавить; Эйхсера—бить кнутомъ; Мусинъ-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущова—четвертовать; Волынскому отрѣзать языкъ и живымъ посадить на колъ; дѣтей Волынского сослать на вѣчную каторгу въ Сибирь и конфисковать всѣ имущество обвиненныхъ и ихъ родственниковъ. Приговоръ былъ вынесенъ единогласно. Внукъ Александра Нарышкина рассказывалъ имену дѣду полѣвка спустя, что, выходя изъ суда, его дѣдъ, успѣвъ сѣсть въ экипажъ, потерялъ сознаніе; его привезли домой и не могли привести въ чувство; ночью онъ бредилъ и кричалъ, что онъ измѣрилъ, что онъ приговорилъ невинныхъ, приговорилъ своего брата... Нарышкинъ былъ зять Волынского. Послѣ восшествія императрицы Елизаветы, спросили однажды Шипова, не было ли ему слишкомъ тяжело, когда онъ подписывалъ приговоръ 20 іюня 1740 г. «Разумѣется было тяжело,—отвѣтилъ онъ,—мы отлично знали, что они всѣ невинны, но что подѣлать? лучше подписать, чѣмъ самому быть посаженнымъ на колъ или четвертованнымъ...»

Биронъ, чтобы скомпрометировать большее число высокопоставленныхъ лицъ, сообщилъ этотъ приговоръ четыремъ, находившимся въ Петергофскомъ двориѣ придворнымъ, и спросилъ ихъ мнѣнія. Это были Куракинъ, гофмейстеръ Шепелевъ, генералъ-адъютантъ Василий Салтыковъ и дежурный камергеръ Степанъ Лопухинъ. Всѣ согласились съ приговоромъ, Куракинъ не безъ злорадства, остальные стараясь скрывать невольное содроганіе..

Анна Иоанновна ни за что не хотѣла подписывать смертного приговора. Два дня возобновлялись довольно бурные сцены между нею и фаворитомъ. Несмотря на свою природную черствость, Анна плакала. Биронъ повторилъ угрозу уѣхать—она уступила. Приговоръ, подписанный Анной Иоанновной 23 июня, былъ мягче вынесенного на судѣ: Волынскому отрубить голову, предварительно отрѣзавъ языкъ и правую руку. Имущество его конфисковать.

Дочерей заточить въ монастыри, въ Сибирь, гдѣ держать въ одиночномъ заключеніи до пятнадцати лѣтъ; пятнадцати лѣтъ слать въ солдаты на всю жизнь.

Графу Мусину-Пушкину урѣзать языкъ и сослать въ Соловецкій монастырь, гдѣ содержать строжайше. Имущества, пріобрѣтеннаго имъ самимъ и отцомъ его, конфисковать, такъ чтобы дѣти его унаследовать могли только имущество прадѣда и материнское.

Еропкина и Хрущова обезглавить; имущества конфисковать, кромѣ сорока крестьянскихъ душъ, оставленныхъ дѣтямъ Хрущова, которыхъ не лишились и наследства матери.

Соймонова и Эйхлера бить кнутомъ на плахѣ всенародно и сослать на каторгу въ Сибирь. Имущества конфисковать кромѣ сорока душъ, оставленныхъ каждому изъ дѣтей Соймонова, за которыми оставалось и наследство матери. Она была рожденная Отеева изъ очень старой семьи.

Дела Суда быть пасьми на плахѣ всенародно и сослать на Камчатку.

Въ тотъ же день, 23-го июня, этотъ варварскій приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ и казнь назначена на пятницу, 27-ое. Волынскій былъ подавленъ и грустенъ и особенно мучился за дѣтей.

Когда къ нему пришелъ священникъ крѣпостного собора, кото-
рого онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, Волынскій испуганно
вскрикнулъ и сказалъ ему, что видѣлъ его паканунѣ во снѣ...

На Сытномъ рынке недалеко отъ крѣпости былъ воздвигнутъ эша-
фотъ. Въ пятницу 27-го июня въ 7 часовъ утра палачи-суды Сал-
тыковъ и Неплюевъ приѣхали въ крѣпость. Волынскаго собирались
причащать. Ушаковъ и Неплюевъ прошли въ камеру Мусина-Пушки-
на и при себѣ вѣдѣли урѣзать ему языкъ¹⁾, затѣмъ вернулись къ
Волынскому, которому было тоже отрѣзано языкъ. Его надо было везти
на казнь, но кровь лизлась изо рта ручьемъ. Ему надѣли тяжелый под-
бородникъ, завязали его такъ, чтобы ротъ нельзя было открыть и

1) Почему-то Мусина-Пушкина не выводили на плаху, вмѣстѣ съ другими.

повезли. Несчастный захлебывался. Онъ былъ почти безъ сознанія. Послѣ прочтенія приговора Волынскому отрубили вывихнутую, во время допроса правую руку и голову; Еропкину и Хрущову — головы; Соймоновъ и Эйхлеръ былибиты кнутомъ; Де-ла-Суда — плетьями. Около часу были выставлены всенародно трупы казненныхъ, затѣмъ ихъ уложили въ тачки и увезли въ Самсоньевскую церковь и послѣ отпѣтанія похоронили въ общей могилѣ. Впослѣдствіи надъ могилой поставленъ былъ памятникъ: надъ простой гранитной плитой бѣлая урица на гранитномъ пьедесталѣ. Памятникъ существуетъ и до сихъ поръ.

На немъ надпись:

«Во имя трехъ лицехъ
Единаго Бога
Здѣ лежитъ Артеме^й
Петровичъ Волынской
которої жизни своея
имѣлъ 51 годъ».

На урицѣ прибавлено:

«Преставиася іюня 27 день 1740 года.
Туть же погребены Андрей Федоровичъ
Хрущовъ и Петъръ Еропкинъ» ¹⁾.

Въ 1765 г. Екатерина II велѣла принести себѣ дѣло Волынского и, прочитавъ его, начертала мудрыя слова, приложенные впослѣдствіи къ дѣлу, которое хранится въ Государственномъ Архивѣ. Слова эти свидѣтельствуютъ о глубокомъ политическомъ умѣ и большомъ сердцѣ этой женщины.

Вотъ они: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынского дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примира въ производствѣ дѣла. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, которой онъ сочинилъ и подалъ; осталось его полезное употребить, неполезное оставить изъ его представлія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проектъ не понрави-

¹⁾ Шишкінъ въ трудахъ своемъ «А. П. Волынскій» От. Зап. 1860 г., т. 130, стр. 569, приводить преданіе, имъ слышанное о томъ, что Екатерина II велѣла за словами: «жизни своея имѣлъ 51 годъ» велѣла вырезать: «казненъ невинно». На эту именно надпись была поставлена пьедесталь, съ урвой.

вился, изъ этого сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и извѣли на Волынскаго измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастныи утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что заодно ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодной кровью. Всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говорить. Итакъ, отдаю на разсужденіе всяко му имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнителъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ, смертную казнь терпѣлъ, быть невиненъ. И хотя бы онъ за подлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіи особѣ императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то она была, быть государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которая у нея не отнимали ни на вершокъ величества и не убавили ни въ чёмъ ея персональныхъ качествъ. Всякой государь имѣть неисчислимые кроткіе способы къ удержанію въ почтении своихъ подданныхъ. Если бы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и вѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный; а еслиъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я-бы ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: «Будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ». Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволъ вѣриться на сей аршинъ. А есть ли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сія наставленія прочтеть въ уничтоженіи, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особенно въ россійскомъ, щастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина».

Нѣсколько лицъ, замѣщанныхъ въ процессѣ Волынскаго, были еще заключены. Новая комиссія была назначена для рѣшенія ихъ судьбы.

Всѣ они были, кроме Богдана Родионова, оставлены въ заключеніи и, впослѣдствіи, освобождены правительницей.

Родионовъ былъ бить плетыми и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда былъ возвращенъ правительницей.

Іванъ Волынскій, двоюродный братъ Артемія Петровича, обвиненый въ томъ, что быль «конфидентомъ» брата, быль оставленъ въ заключеніи. Правительница его также освободила.

Черезъ три дня послѣ казни Волынского его дѣти были отправлены въ Сибирь.

Дочери были пострижены въ монастыряхъ. Марія—въ Енисейскѣ, Анна—въ Иркутскѣ.

Десятилѣтній сынъ Волынского Петръ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, отправленъ въ Селенгинскъ и порученъ комендантну крѣпости Бухгольцу. На содержаніе мальчика было положено всего десять копеекъ въ день.

Анна Леопольдовна указомъ 31 января 1741 г. объявила обѣты постриженія, данные дочерьми Волынского, недѣйствительными, вернула ихъ такъ же, какъ и Петра Волынского, и разрѣшила всѣмъ жить въ Москвѣ, въ домѣ ихъ дяди по матери, Александра Львовича Нарышкина. Петръ Волынский умеръ очень молодымъ. Сестры же его занимали очень высокое положеніе въ обществѣ того времени. Анна Артемьевна вышла замужъ за Андрея Семеновича Гендрикова¹⁾, двоюроднаго брата Императрицы Елизаветы Петровны. Въ день коронаціи Императрицы Гендриковы получили графство, а жена Андрея, Анна Артемьевна пожалована кавалерственной дамой. Марія Артемьевна вышла замужъ за Пана Илларіоновича Воронцова, младшаго брата канцлера (который и для своихъ младшихъ братьевъ выхлопоталъ графскій титулъ)—она была прабабкой графа Илларіона Воронцова-Дашкова и княгини Паскевичъ.

Кубанецъ, продавши资料 своего господина, получилъ свободу 9 июня 1740 г., но до указа правительницы, освободившаго его и разрѣшившаго жить где пожелаетъ, онъ находился подъ строжайшимъ надзоромъ.

Несчастный графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ послѣ урѣзанія языка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь²⁾.

Эйхлер—сосланъ въ Жиганску, за тысячу verstъ отъ Тобольска. Регентша вернула его и разрѣшила жить въ помѣстъ его жены, Де-ла-Суда, сосланный на Камчатку, возвращенъ регентшей.

1) Младшая сестра Екатерины I была замужемъ за Симономъ-Генрихомъ, Финскимъ крестьяниномъ, деревни Кокему, около Риги. Ихъ сыновья Андрей и Иванъ и дочери Агафья, Марія и Марта получили въ 1724 г. дворянство и фамилию Гендриковыхъ.

2) Тамъ онъ содержался въ Головлевской монастырской тюрьмѣ. Тюрьма эта была безъ печей и свѣта. Въ сентябрѣ 1740 г. онъ уже харкалъ кровью.

Соймонову было пятьдесят восемь лѣтъ, когда надъ нимъ разразилась эта страшная катастрофа. Его сослали на каторжныя работы въ Охотскъ. Въ апрѣлѣ 1741 г. правительница вернула его и разрешила жить въ имѣніи его жены. Соймонову деревенская жизнь не улыбалась и онъ остался въ Сибири. Императрицей Елизаветой ему было разрешено жить тамъ, где пожелаетъ — онъ поселился въ Иркутскѣ. Семидесяти лѣтъ онъ совершилъ научное путешествіе по Сибири, снимая планы, измѣряя глубины рекъ, и. т. д. Въ 1757 г. послѣ отставки Сибирскаго губернатора Мятлева, Соймоновъ былъ назначенъ на этотъ постъ съ чиномъ тайного советника. Въ теченіе шести лѣтъ онъ управлялъ Сибирью со свойственнымъ ему умомъ и безкорыстиемъ. Несмотря на свой возрастъ, онъ былъ необычайно дѣятеленъ. Вставалъ ежедневно въ четыре часа утра и работалъ весь день, кромѣ обѣднныхъ часовъ и получасового дневного сна, до десяти вечера. Каждый годъ онъ объезжалъ свой край, дѣлая по пѣсколько тысячъ верстъ. У сибиряковъ остались о немъ надолго добрыя воспоминанія.

Екатерина II призвала его въ Петербургъ и назначила сенаторомъ. Онъ умеръ въ 1780 году девяноста восьми лѣтъ ¹⁾.

Анна Ioannovna слегла, чтобы больше не вставать, 5 октября 1740 г.

Вопросъ о престолонаслѣдіи былъ въ принципѣ решенъ съ 1731 г., указомъ императрицы, утверждавшій престоль за будущимъ сыномъ ея племянницы, Екатерины Ioannovны, которой тогда было всего тринацать лѣтъ и о замужествѣ которой не могло еще быть и рѣчи.

Всѣ подданные должны были присягать этому наследнику, который еще не существовалъ.

1) Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ казни Волынского умерла императрица Анна Ioannovna. Всѣдѣ за ея смертью быстро слѣдовали перемѣны при дворѣ. Въ ночь съ 7 на 8 ноября 1740 г. былъ низверженъ Минихомъ всесильный регент Россійской Имперіи, курляндскій герцогъ Биронъ, а 25-го ноября 1741 г. площади и улицы С.-Петербурга оглашались восторженными криками. «Виватъ, виватъ Императрица Елизавета» и вскорѣ послѣ того въ первыхъ старой и новой столицѣ раздавались обвинительные акты въ формѣ проповѣдей противъ злоказненныхъ иновещатель: Бирона, Остермана, Миниха. Всему дѣлу заводчику — Остерману — пришлось въ свою очередь испытать тяжелыя минуты: назначененный надъ нимъ судъ притворилъ его изъ смерти. Остерманъ былъ возведенъ на эшафотъ и голова его уже лежала на плахѣ, когда курьеръ отъ императрицы привезъ ему помилованіе, замѣнявшее казнь ссылкой.

Графъ Остерманъ на эшафотѣ, (29-го января 1742 г.).

Въ 1740 г. у Анны Леопольдовны родился сынъ, нареченный при крещеніи Иваномъ. Императрица выражала много радости по поводу его рожденія и лично слѣдила за его уходомъ. Русскіе подданные могли спросить себя: по какому праву этотъ маленький нѣмецъ, Брауншвейгъ по отцу, Мекленбургъ по матери, связанный съ Романовыми только черезъ свою бабку, будетъ царствовать въ Россіи? Право назначить посаѣть себя наследника, присвоенное Анной Ioannovной, призванной на царство по волѣ одного Голицына и четырехъ Долгоруковыхъ, было также весьма спорно. Но кто сталъ бы его оспаривать? Итакъ Ивану Antonovichu суждено быть императоромъ! Кто же будетъ править вмѣсто него? Когда Анна Ioannovna занемогла, ему было всего девять мѣсяцевъ. Анна Ioannovna не позабыла объ этомъ вопросѣ раньше, и теперь, казалось, не думала о немъ вовсе. Она боялась смерти и избѣгала всего, что бы ей могло напомнить о страшной минутѣ. При дворѣ этимъ вопросомъ были однако очень озабочены. Легко можно представить себѣ беспокойство, которое охватило окружавшихъ императрицу, когда состояніе ея внезапно ухудшилось. Бѣзовой поскакалъ предупредить гофмаршала Рейнгольда Левенвольде, отъ имени Бирона. Оба нѣмца спрашивали другъ друга: «что дѣлать?» Не зная, какъ быть, они рѣшили собрать немедленно засѣданіе кабинета. Но Остерманъ по своему обыкновенію былъ боленъ. Левенвольде поспѣшилъ къ «коракузу»¹⁾ и принесъ не угѣшительныя для фаворита извѣстія. По своему обыкновенію, вице-канцлеръ долго, говорилъ, при чемъ трудно было понять, что онъ, собственно хочетъ сказать, и пришелъ наконецъ къ слѣдующему: если Иванъ Antonovichъ долженъ царствовать, его матери надлежитъ быть правительницей и править совмѣстио съ Совѣтомъ, въ которомъ Биронъ могъ бы принимать участіе.

Въ эту минуту въ Совѣтъ прибылъ кн. Черкасскій и съ нимъ новый кабинетъ-министръ, замѣнившій Возынскаго. Это былъ новый ставленникъ фаворита — Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. Фаворитъ успѣлъ побывать у Императрицы, но дѣла это не подвинуло. Государыня, которой онъ предложилъ назначить Анну Леопольдовну наследницей престола въ виду малолѣтства ея сына не желала, чтобы племянница ея была даже правительницей, утверждая, что тогда въ Россію явится ея отецъ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Объ Antonѣ Ульрихѣ не могло быть и рѣчи. Его она считала гаупцомъ. Но регентъ былъ необходимъ.

¹⁾ Остерману.

Кого же выбрать?

Показалось необходимымъ еще разъ обратиться за советомъ къ Остерману; на этотъ разъ отправился къ нему Черкасскій, въ сопровождении Бестужева. По дорогѣ они обмѣнялись замѣчаніями о колебаніяхъ фаворита. Не значило ли это, что онъ втайне хотѣлъ, чтобы выборъ падъ на него? — «Отчего же нѣтъ?» — сказалъ Черкасскій — «Въ самомъ дѣлѣ!» — отвѣтилъ Бестужевъ. Но Остерманъ пропустилъ все это мимо ушей.

Утвержденіе наследникомъ Ивана Антоновича уже состоялось, это было объявлено соответствующимъ указомъ, и императрица, по-видимому, этого желаєтъ. Слѣдуетъ, значитъ, сдѣлать это рѣшеніе официальнымъ при помоши документа, составленіе котораго вице-канцлеръ готовъ взять на себя. Вопросъ о регентствѣ долженъ быть также решенъ волей императрицы. Поданные, и особенно поданные-иѣди, не могутъ въ это вмѣшиваться.

То, что послѣдовало дальше, было не разъ разказано въ разнообразившихъ версіяхъ. Вотъ одна изъ нихъ, которая кажется наиболѣе правдоподобной.

Во дворцѣ Черкасскій и Бестужевъ застали Бирона и Левенвольде, не пришедшихъ еще ни къ какому заключенію. Съ ними былъ Минихъ. Бестужевъ поспѣшилъ сообщить рѣшеніе, пришедшее ему и Черкасскому въ голову по дорогѣ къ Остерману; но имя Бирона точно обожгло ему губы, и онъ поспѣшилъ прибавить: «очевидно во всякой другой странѣ показалось бы страннымъ, что мать и отецъ въ такомъ дѣлѣ обойдены». — «Очевидно», повторилъ Биронъ и замолкъ. Но никто не осмѣливался заговорить. Увидя замѣшательство Бестужевъ и боясь быть скомпрометированнымъ, Черкасскій нагнулся къ уху Левенвольде, по всейѣроятности, чтобы узнать его мнѣніе.

Биронъ понялъ, что надо быть рѣшительнѣе съ такими трусами.

— Что вы шепчете? Говорите громко!

Подъ взглядомъ, которымъ сопровождалось это замѣчаніе, Черкасскій рѣшился. Регентство Бирона ему казалось желательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, необходимымъ даже. Минихъ не могъ не выразить согласія, и дѣло было решено тремя иѣмцами и двумя русскими восточного происхождения, располагавшими въ эту минуту судьбой государства, какъ своей собственностью, и говорившими на чужеземномъ языке, единственнымъ, которымъ владѣлъ будущій регентъ.

Они должны были собраться на слѣдующій день, чтобы составить текстъ новаго манифеста, и признали нужнымъ пригласить въ это засѣданіе еще иѣсколькоихъ лицъ. Бестужевъ привезъ Ушакова,

Трубецкого и Куракина. За ночь всѣ успѣли поразмыслить и обсудить дѣло. Самъ Биронъ считалъ теперь необходимымъ подготовить императрицу къ мысли о своемъ регентствѣ. Онъ чувствовалъ въ Минихѣ тайного врага, который былъ тѣмъ опаснѣе. «Оракулъ» продолжалъ молчать. Вопрѣкъ о регентствѣ не возобновлялся и составленъ былъ только текстъ указа, объявлявшаго Ивана Антоновича наследникомъ престола.

Документъ представили Аннѣ Ioannovnѣ. Она его подписала немедленно и просила всѣхъ ее оставить, задержавъ Бирона, но въ эту минуту случилось то, чего никто не ожидалъ. Минихъ, уходя изъ комнаты и взявшишь уже за ручку двери, обернулся и сказать своимъ, привыкшимъ къ командѣ, голосомъ:

«Ваше величество, мы всѣ пришли къ согласію и желаемъ, чтобы герцогъ Биронъ былъ правителемъ, мы васъ умоляемъ согласиться».

Одинъ изъ врачей императрицы, португалецъ Рибейра, только что уѣбралъ се, что ей лучше, и что она, вѣроятно, поправится. Ловкий тактикъ Минихъ придумалъ эту выходку, чтобы замаскировать свое скрытое неодобрение и прислужиться къ фавориту, не ожидая отъ этого никакихъ послѣдствій.

Императрица промолчала, но когда фельдмаршаль вышелъ, она спросила:

«Что онъ сказаѣлъ?»

«Я не слыхалъ!» — отвѣчалъ фаворитъ.

Онъ понялъ, что надобно подождать. Но онъ не терялъ времени. Въ тотъ же день одинъ изъ его конфидентовъ, баронъ Менгденъ, поѣхалъ къ Бестужеву. «Мы всѣ погибнемъ, если Биронъ не будетъ регентомъ, — утверждалъ, Менгденъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ самъ просить объ этомъ». Бестужевъ всю ночь провелъ надъ составленiemъ соотвѣтствующаго указа и, такъ какъ на слѣдующій день диагнозъ Рибейры повидимому подтвердился, Остерманъ самъ прибылъ въ свою подвижную креслѣ, котораго не покидалъ, во дворецъ и горячо поддерживалъ этотъ проектъ. Но Анна Ioannovna не спѣшила его подписывать. Она положила бумагу къ себѣ подъ подушку и удалила вице-канцлера и его коллегъ, не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ. Оставшись глазъ на глазъ съ Бирономъ она спросила его:

«Тебѣ это нужно?»

Онъ молчалъ, и она ничего больше не прибавила. Прошло нѣсколько дней, императрица не возвращалась къ этому разговору. Подъ давлениемъ Бирона, Бестужевъ составилъ челобитную, въ которой

сенатъ и генералитетъ просили императрицу упрочить спокойствіе имперіи, назначивъ Бирона регентомъ. Стараніями Бестужева, лица двухъ первыхъ классовъ были призваны небольшими группами, и Минихъ подалъ имъ пріимѣръ, первый подписавъ членобитную. Фаворить дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

«Чего хотятъ эти господа?» спрашивалъ онъ.

Но и вторая бумага была положена императрицей подъ подушку, какъ и первая. Анна Иоанновна не думала о смерти. Когда племянница ся предложила ей совершилъ соборованіе, она недовольно замѣтила: «Не пугайте меня!»¹⁾. Менгденъ напрасно пытался привлечь къ участію въ томъ, что онъ называлъ «всеобщимъ желаніемъ», принца Аントна-Ульриха и его супругу. И тотъ и другой извилились тѣмъ, что никогда не вмѣшивались въ государственные дѣла. Самыя необычайныя новости и соображенія циркулировали въ городѣ. Мардефельдъ сообщалъ своему государю, что регентство будетъ сосредоточено въ рукахъ двѣнадцати лицъ, по крайней мѣрѣ. Что фаворить не приметъ въ немъ участія и удалится въ Курляндію, и что Россія къ большому удовлетворенію ея сосѣдей не будетъ больше имѣть возможности вмѣшываться въ Европейскія дѣла. Онъ предвидѣлъ уже новую Польшу на берегахъ Невы, и сынъ Фридриха-Вильгельма раздѣлялъ его радость ²⁾.

Настало 16-го октября, день, когда Рибейра и другіе врачи признали больную безнадежной. Она позвала Остермана, долго съ нимъ совѣщалась, затѣмъ позвала Бирона и показала ему подпись, которой онъ добивался. Одни утверждаютъ, что она не скрыла отъ него, что, по ся мнѣнію, подписала его гибель. Другіе утверждаютъ обратное—она, будто бы, сказала ему: «Не бойся!» Слова, которыми обмѣниваются съ глаза на глазъ, обыкновенно ускользаютъ отъ историка, и я не берусь утверждать непреложность и тѣхъ, которыхъ привезъ выше, по свидѣтельству самого фаворита ³⁾.

Можеть быть онъ не записалъ словъ «не бойся!» потому, что не понималъ по-руссски, но можеть быть, также, и потому, что они во всѣ не были сказаны.

Несмотря на то, что Анна Иоанновна передавала наслѣдие Петра Великаго чужеземцамъ и окружала себя ими все время своего цар-

¹⁾ Мардефельдъ, 5 ноября 1740 г. Секр. Берл. Архив. Перепиской прусского агента я особенно руководился, составляя описание этихъ событий.

²⁾ Мардефельдъ, 25 октября; Фридрихъ II, 5 ноября 1740 г. Тайный Берлинск. Архив.

³⁾ Автобіограф. замѣтки I. Э. Бирона.

ствованія, въ посаѣднюю минуту своей жизни она доказала, что въ жилахъ ея текла русская кровь: она сумѣла лучше умереть, нежели жила. На слѣдующій день посаѣть вышеописанного разговора съ Бирономъ, она призвала духовенство и просила читать отходную. Высокая фигура Миниха, присутствовавшаго между другими, привлекла ея вниманіе. Точно желая примирить съ будущимъ регентомъ этого опаснаго врага, она сказала ему свои посаѣднія слова:—«Прощай, фельдмаршалы!»—«Прощайте всѣ!»—прибавила она и скончалась.

